

И снова перезагрузка

На ННФ обсудили фискальную политику государства в нефтяной отрасли

СЕРГЕЙ ТИХОНОВ
«Нефтегазовая Вертикаль»

В рамках Национального Нефтегазового Форума состоялась стратегическая сессия – круглый стол «Фискальная политика и экономические приоритеты: новые стимулы для перезагрузки». В ней приняли участие представители нефтедобывающих компаний, профильных министерств и ведомств, а также независимые эксперты. Обсуждение продлилось два часа, в течение которых выступающие постарались дать оценку существующей налоговой системе и последним мерам правительства, призванным простимулировать развитие отрасли. Особое внимание оказалось уделено возможным дальнейшим изменениям в фискальной политике государства, проблеме льгот, расширения действия НДС и механизмов поддержки отечественной нефтепереработки.

Тема налогообложения нефтегазовой отрасли остается одной из самых обсуждаемых и важных для экономики России. Ведь доходы от нефтегаза по сей день продолжают составлять самую большую часть поступлений в казну страны. И, несмотря на запланированное снижение этой зависимости, слезть с «нефтяной иглы» в ближайшее время никак не получится. В 2018 году их доля в бюджете составила около 46%. При этом, дальнейшее нормальное развитие нефтяной промышленности невозможно без перемен в области фискальной политики государства и создания дополнительных стимулов для привлечения инвестиций в отрасль. Факт, который признают и в нефтедобывающих компаниях, и в правительстве РФ. Однако подходы сторон и их видение необходимых к ре-

ализации мер сильно отличаются друг от друга. Причем разногласия есть не только между государством и нефтяными компаниями, но и внутри ведомств регулирующих нефтяную отрасль.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

В самом начале стратегической сессии ее модератор, партнер ЕУ Марина Белякова предложила всем выступающим оценить действующую налоговую систему в нефтегазовой отрасли по пятибалльной шкале. Чтобы в дальнейшем к этому не возвращаться, стоит сразу сказать, что никто ниже четверки существующей фискальной системе не поставил. Однако это совсем не означает,

что все участники круглого стола лишь нахваливали работу правительства и избегали острых вопросов. С места в карьер взял первый же выступающий, заместитель министра энергетики Павел Сорокин.

В ближайшие два года у нас не останется крупных новых месторождений, которые смогли бы поддерживать уровень добычи

«Если в 2000-х годах добыча росла за счет восстановления после периода недоинвестирования в 90-х годах прошлого века, а в 2010-х годах рост производился благодаря геологической базе, разведанной еще в Советском Союзе, за счет гринфилдов, которые были уже открыты, то сейчас все крупные активы уже распределены. Кроме того, большая часть из них уже либо разрабатываются, либо находятся на стадии введения в разработку. В ближайшие два года у нас не останется крупных новых месторождений, которые смогли бы поддерживать уровень добычи. При этом уровень естественного снижения добычи 2,5–3,5% в Западной Сибири никто не отменял. Добыча падает. Если же посмотреть на гринфилды, которые запускались в последнее время, и вообще на новые нефтегазовые провинции, поддерживающие уровень добычи – Восточная Сибирь, шельф, Ямал, то все они появились благодаря системе льгот. Поскольку слишком большая разница существует между месторождениями Западной Сибири и этими новыми нефтегазовыми провинциями. В Западной Сибири вся инфраструктура, человеческий капитал, сервисная база уже имеется и хорошо отлажена, а в новых регионах ничего этого нет. Льготы позволяли компаниям компенсировать повышенные затраты на их освоение. Но сейчас этот потенциал близок к исчерпанию, и теперь нам нужно смотреть, как не упасть с того уровня, на котором мы находимся», – отметил Павел Сорокин.

К вышесказанному можно было бы отнестись как к анонсу серьезных перемен в области фискальной политики государства в нефтегазовой сфере. Менее подробно о том же самом говорил глава Минэнерго РФ Александр Новак на совещании у премьер-министра Дмитрия Медведева в сентябре 2018 года. Однако дальнейший ход дискуссии показал, что не все так просто с изменениями в налоговом кодексе РФ, и принятие решений может сильно затянуться, несмотря на возможные последствия для отрасли и всей экономики России, о чем в ходе своего выступления предупредил заместитель Министра энергетики РФ.

«Через пять лет вопрос о компенсации снижения добычи встанет достаточно остро. Сейчас все предложения, все дискуссии, которые мы ведем, направлены на то, чтобы сохранить нефтянку как основу российской промышленности и важнейший элемент отечественной экономики. Мы понимаем, что для вовлечения в добычу тех

29 млрд тонн н. э., которые сейчас есть у нас на балансе, или хотя бы 60–70% из них, необходимы определенные изменения в фискальной системе, для того чтобы просто сделать их добычу рентабельной. Тогда мы сможем еще 12–15 лет держаться на текущем уровне, и даже возможен некоторый рост. Сейчас нам необходимо меняться вместе со временем», – сказал Павел Сорокин.

Главной проблемой изменения налоговой системы нефтянки по-прежнему остаются опасения выпадения доходов бюджета, который, как уже было сказано в начале, продолжает весьма зависеть от финансовых поступлений из отрасли. Фактически, ее будущее оказалось в заложниках у планов экономического развития всей страны. Впрочем, по мнению Павла Сорокина, проблема решаема.

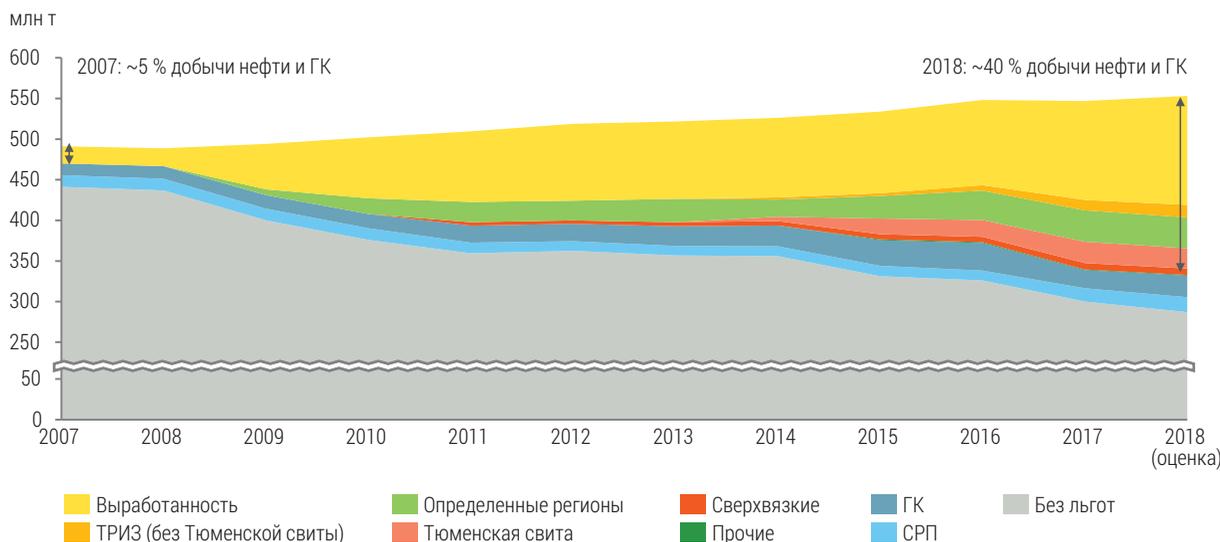
«Нужно вводить в эксплуатацию категории запасов, которые до сегодняшнего дня не разрабатывались. Например, работать с малыми месторождениями. Если посмотреть, что осталось у нас в нераспределенном фонде, то в нем громадное число месторождений с запасами менее 3 млн тонн. Часть из них находится неподалеку от разрабатываемых участков, в радиусе действующей инфраструктуры. Но для тех, что находятся в отдалении, экономика уже не работает. Конечно, нужно соблюдать баланс интересов между бюджетом и отраслью, но при этом нужно искать новые способы начинать разработку невовлеченных запасов. Это не выпадающие доходы бюджета. Так недавно осваивались месторождения Восточной Сибири, льготы которым не рассматривались, как выпадающие доходы. Их просто не было. То есть – нет добычи, нет дохода, нет убытков бюджета. Мы сейчас рассматриваем варианты вовлечения таких новых категорий запасов в разработку», – отметил в заключение своего выступления Павел Сорокин.

Потенциал близок к исчерпанию, и теперь нам нужно смотреть, как не упасть с того уровня, на котором мы находимся

Взгляд с другой стороны

Определенную интригу прошедшему круглому столу придало присутствие Директора Департамента налоговой и таможенной политики Министерства финансов РФ Алексея Сазанова. Минфин уже достаточно долгое время многими воспринимается как ведомство, тормозящее реформирование налоговой системы нефтегазовой отрасли страны. Достаточно вспомнить длительную эпопею с запуском пилотного проекта НДС, который несколько лет согласовывался между Минэнерго, Минфином и нефтедобывающими компаниями. Как отметила в своем выступлении генеральный директор Ассоциации независимых нефтегазодобывающих организаций «Ассонетф» Елена Корзун: «Очень приятно видеть рядом сидящих представителей Минэнерго и Минфина. Впервые, наверное, лет

СТРУКТУРА ДОБЫЧИ ЖУВ В РОССИИ ПО ВИДАМ ЛЬГОТ

Источник: EY

за 25 в нашем обсуждении участвует не только отраслевое министерство, но и Минфин».

Если Павел Сорокин озвучил позицию Минэнерго, то Алексей Сазанов не менее убедительно изложил точку зрения своего ведомства: «Есть одна большая структурная проблема. Мы все и уже не первый год говорим о том, что хотим сохранить полку добычи и для этого надо стимулировать дополнительное бурение в Западной Сибири за счет льгот. Но последствия для казны этих действий понятны – с одного добытого барреля нефти мы будем зарабатывать меньше, в зависимости от того, насколько предоставленные льготы будут щадящими к бюджету. При этом его расходная часть уменьшаться не будет, а в ближайшие пять лет каких-то иных дополнительных источников поступлений не предвидится. К моему глубокому сожалению, не все работающее население РФ занято в нефтяном бизнесе. Поэтому, когда мы говорим, что надо поддерживать нефтяную отрасль, надо поддерживать полку добычи – несомненно, правильные инициативы, но также нужно обращать внимание на то, как это отразится на других отраслях экономики. За счет чего они будут финансироваться? И на этот вопрос мне никто так и не ответил. Предложите решение. Каким образом и откуда мы сможем возместить выпадающие доходы от нефтяной отрасли? Если такие предложения есть, давайте тогда увязывать стимулирование нефтянки с обсуждением мер для других отраслей», – сказал Алексей Сазанов.

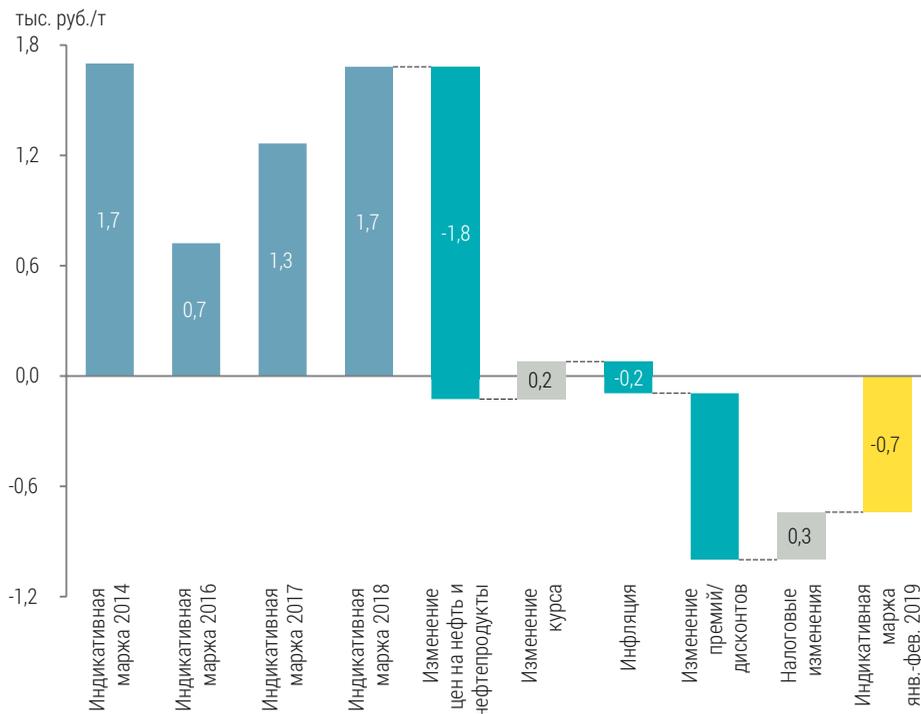
С этим мнением крайне сложно спорить, поскольку зависимость бюджета от нефтегазовых доходов уже есть, а увеличение доли влияния нефтегазового комплекса, которое обязательно произойдет, если его поддержка будет осуществляться в ущерб развитию других отраслей хозяйства, едва ли пойдет на пользу всей экономике Рос-

сии. Конечно, существуют вполне удачные примеры нефтяных держав, подобно Саудовской Аравии, но вряд ли можно сравнивать наши страны. К тому же есть и, наоборот, весьма неудачные примеры, вроде Венесуэлы. Впрочем, на вопросы Алексея Сазанова сразу же постарался ответить Павел Сорокин. Он отметил, что «проблема существует, однако вовлечение в разработку новых запасов при сохранении инвестиционного потенциала, которые дают основной бюджетный прирост, может ее решить».

Сейчас все предложения, все дискуссии, которые мы ведем, направлены на то, чтобы сохранить нефтянку как основу российской промышленности и важнейший элемент отечественной экономики

«Задача тяжелая. Но уже сейчас есть сферы, например, нефтехимия, где все расчеты уже сделаны, и при правильной настройке стимулирующих механизмов дополнительные доходы бюджета от налога на имущество, налога на прибыль и мультипликаторного эффекта полностью перекрывают субсидии государства. Нужно еще учитывать, что субсидии не вечны и по истечении определенного периода доходы казны начинают существенно вырастать. То же самое касается СПГ – появилась новая индустрия, в разработку оказались вовлечены новые запасы, и, несмотря на субсидии, выпадения доходов бюджета здесь нет. Надо смотреть на эффект для экономики страны в це-

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИКАТИВНОЙ МАРЖИ ПЕРЕРАБОТКИ В РОССИИ

*Оценка по «Среднему НПЗ»

Источник: EY

лом и на те задачи, которые перед нами ставятся. Можно говорить о снижении поступлений в казну с одного барреля нефти из-за действия льгот и их масштабов, но здесь необходимо учитывать, что снижение добычи через несколько лет на 70–80 млн тонн также будет означать выпадающие доходы бюджета. Я уверен, что компромисс возможен. Нужно продолжать диалог. Есть возможность и бюджету остаться профицитным, и стимулировать развитие отрасли», – подчеркнул Павел Сорокин.

Нужно вводить в эксплуатацию категории запасов, которые до сегодняшнего дня не разрабатывались

ПРИОРИТЕТЫ И ФАКТОРЫ РОСТА

Не меньшее внимание участники встречи уделили определению приоритетов развития и стратегических задач нефтегазовой отрасли, а также последним изменениям в фискальной системе. По мнению Председателя Комитета по энергетике Государственной Думы РФ Павла Завального, «фискальная политика в отношении нефтегазовой отрасли, учитывая ее огромное значение для экономики России, должна быть гибкой и предсказуемой».

«Задача фискальной политики – давать возможность отрасли, особенно нефтяной, развиваться. Нужно учитывать, что эта сфера очень инвестиционно-емкая, здесь весьма большие инвестиционные циклы, и инвесторы должны понимать правила игры, чтобы эффективно распределять затраты. С газом наша цель понятна – максимально монетизировать имеющиеся запасы, поскольку у нас их более чем на 100 лет, а эра углеводородов рано или поздно закончится. В нефтяной сфере перед нами стоит более сложная задача – поддержать объемы добычи до 2025 года, 2030 года или еще дальше. Мы понимаем, что структура нефтяных запасов ухудшается. Истощаются и обводняются месторождения Западной Сибири. Если посмотреть средний дебет скважин в прошлом году и объемы эксплуатационного бурения в Западной Сибири, то зависимость уже не линейная. В прошлом году в ХМАО удержали добычу нефти на уровне позапрошлого года, но объемы эксплуатационного бурения в регионе увеличиваются на 15–20% каждый год. То есть себестоимость добычи растет. Возникает вопрос, насколько фискальная политика сегодня адекватна в условиях ухудшения структуры запасов? В прошлом году рост запасов составил около 575 млн тонн, при добыче 555 млн тонн. То есть можно говорить об устойчивом развитии, но качество приросших запасов значительно хуже, чем ранее. Себестоимость добычи на новых месторождениях будет значительно выше, чем на разрабатываемых сейчас. Поэтому сегодня нужно говорить, если не о полной перезагрузке, то о значитель-

ной достройке всей налоговой политики в отношении нефтяной отрасли. Причем реализация тех планов реформ, которые сейчас есть в виде дорожных карт по поддержке добычи нефти, думаю, будет достаточно, чтобы выполнить стоящие перед нами задачи», – сказал Павел Завальный.

В завершение своего выступления он отметил, что «потенциал отрасли огромный, но его необходимо развивать. Время еще не упущено, но тянуть дальше просто нельзя. Мы находимся под санкционными ограничениями и можем рассчитывать только на свои силы. Нужно создавать отечественные технологии, реализовывать программу импортозамещения, а также увеличивать КИН. Мы еще не опоздали, но нам надо очень спешить».

С одного добытого барреля нефти мы будем зарабатывать меньше, в зависимости от того, насколько предоставленные льготы будут щадящими к бюджету

Обсуждение продолжил Михаил Орлов, партнер, Руководитель Департамента налогового и юридического консультирования, КПМГ в России и СНГ. По его словам: «Если сравнивать наш налоговый режим в нефтегазовой отрасли с другими странами, можно точно сказать, что мы уже далеко не «банановая республика», и наша система налогообложения намного продвинутей, чем простой раздел добываемого сырья. Но с другой стороны, нам точно есть чему поучиться у самых развитых стран, таких как Норвегия и Соединенное Королевство. При этом тренд в реформе налогообложения нефтедобывающей отрасли задан правильный, и нам просто надо не сворачивать с этого пути. Действующая энергетическая стратегия 2009 года предполагала, что к 2020 году объем добычи нефти в нашей стране должен достичь 476 млн тонн. Уже сейчас мы существенно превышаем эту цифру. Проект новой энергетической стратегии говорит, что мы должны произвести 550 млн тонн к 2035 году. Прогнозируя такой объем добычи, государство наверняка оценивало не только наши мощности и технические возможности переработки нефти, но и свои потребности в доходах бюджета. Соответственно, производство 550 млн тонн нефти – это не только ради того, чтобы добыть, за что отвечает Минэнерго, но и для того, чтобы обеспечить государству поступления в казну, за что отвечает Минфин».

При этом Михаил Орлов отметил, что в варианте пессимистического сценария развития, который был представлен Минэнерго РФ на последней Энергетической неделе, к 2035 году без дополнительных мер стимулирования добыча в России может упасть до 311 млн тонн в год.

«Я не склонен излишне драматизировать ситуацию, но, безусловно, сегодня мы видим много негативных факторов, влияющих на добычу, которые могут привести к ее

существенному сокращению. Это – разработанность и снижение добычи на традиционных месторождениях; слабая геологоразведочная активность в Восточной Сибири, Дальнем Востоке и на Арктическом шельфе; низкий КИН, что во многом определяется нехваткой технологий и финансов; и конечно, санкционные ограничения. Что же нам делать? Нужно признать, что в нефтедобывающей отрасли, в отличие от многих других отраслей народного хозяйства, поддержка государства может осуществляться исключительно только путем фискального стимулирования. Государство только таким образом может поделиться рисками с нефтедобывающими компаниями, чтобы те начинали разработку ТРИЗ, нетрадиционных и сложных запасов. Причем уже к сегодняшнему дню многое сделано. Это налоговый маневр, который, надеюсь, не приведет к фатальным последствиям на рынке нефтепродуктов. Это закон о морских месторождениях – здесь, правда, вмешались санкции и не позволили реализовать весь потенциал этого налогового режима. И наконец, НДД – несомненно, большой прорыв в налоговой реформе. У Минэнерго есть набор дополнительных инструментов стимулирования добычи, которые можно внедрить в ближайшее время. Это и повышающий коэффициент при геологоразведочных работах, и расширение периметра НДД, и многое другое. Нужно оценивать, насколько эти меры эффективны с тем, чтобы это не привело к выпадающим доходам бюджета», – сказал Михаил Орлов.

В заключение своего выступления Михаил Орлов отметил, что хотел бы поддержать идею Павла Сорокина о выходе на новые еще не разрабатываемые территории, поскольку в этом случае речь о выпадающих доходах бюджета идти не может. При этом он обратил внимание слушателей, что «по данным Минфина, более 50% добываемой нефти производится с различными налоговыми преференциями». По мнению Михаила Орлова, «если существует такое количество исключений из правил, это означает, что правила негодные». В качестве варианта решения проблемы было предложено не трогать НДД в течение трех лет, а после решить – перевести на него всю отрасль или оставить НДПИ (см. «Структура добычи ЖУВ в России по видам льгот»).

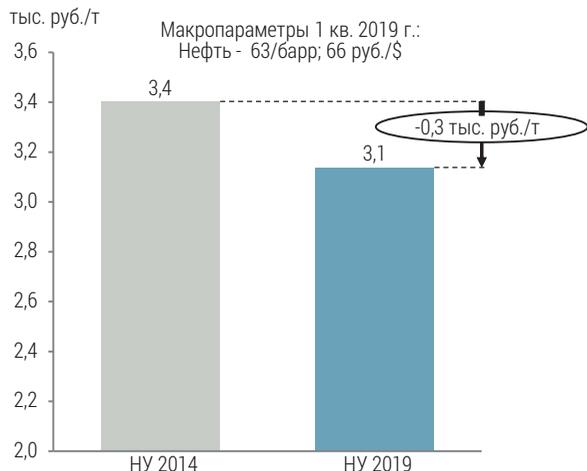
Фискальная политика в отношении нефтегазовой отрасли, учитывая ее огромное значение для экономики России, должна быть гибкой и предсказуемой

МНЕНИЕ КОМПАНИЙ

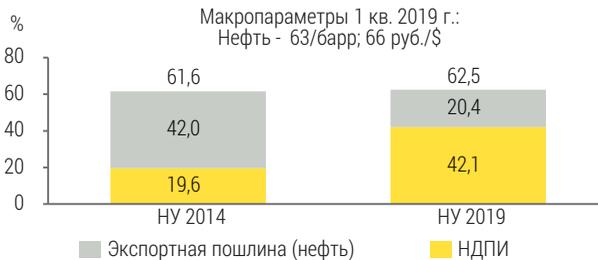
Отдельно стоит остановиться на выступлении представителей нефтяных компаний и их достаточно бурном диалоге с Алексеем Сазановым, когда речь коснулась инвестиций, НДД и демпфирующего механизма. Если

СРАВНЕНИЕ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ В ДОБЫВАЮЩЕМ СЕКТОРЕ

Сравнение оценочного чистого дохода сектора «разведка и добыча», налоговые условия 2014 г. и 2019 г.

Сравнение фискальной нагрузки добывающего сектора, налоговые условия 2014 г. и 2019 г.

*Кабдт принимается равным 0

Источник: EY

два государственных ведомства – Минэнерго и Минфин – все же пытались найти точки соприкосновения и прийти к консенсусу, то в данном случае стороны лишь безуспешно пробовали убедить друг друга в собственной правоте.

В ХМАО удержали добычу нефти на уровне позапрошлого года, но объемы эксплуатационного бурения в регионе увеличиваются на 15-20 % каждый год

Первым выступал Сергей Зац, директор по экономике, инвестициям и повышению эффективности в РФ, ПАО «ЛУКОЙЛ», который, сразу же отметил, что его компания как никогда «заинтересована в долгосрочной и стабильной налоговой системе», при этом подчеркнул, что «этот тезис не исключает расширения периметра НДД».

«В принципе, конечно можно ждать 2023 года, потом принять решение, а после еще какое-то время проработать детали. Но тогда время будет упущено, а учитывая период инвестиционного цикла в отрасли, результаты мы получим через десятилетие. Поэтому, мне кажется, уже сегодня, параллельно пилоту, можно рассматривать вопрос расширения периметра действия НДД. Даже на традиционных месторождениях есть отдельные пласты, залежи, сейчас не разрабатываемые по экономиче-

ским причинам. Поэтому они не будут создавать потери бюджету. Расширение действия НДД на подобные активы как раз и даст дополнительный доход, который так необходим Министерству Финансов. Кроме того, в Западной Сибири присутствует достаточное количество больших обводненных месторождений с существенными невыработанными запасами. К ним также нужно возвращаться и перейти на налогообложение экономического результата, а не валовой добычи», – считает Сергей Зац.

При этом г-н Зац отметил, что компания очень позитивно оценивает работу правительства по стимулированию геологоразведочных работ, как на суше, так и на шельфе, а также разработку дополнительных стимулирующих коэффициентов, после чего перешел к проблемам работы демпфирующего механизма.

«Назовем это тонкой настройкой завершения налогового маневра. По итогам первого квартала текущего года мероприятия по выравниванию демпфирующей надбавки, сглаживанию так называемой ступеньки, выглядят достаточно обнадеживающе. Однако компенсация потерей бюджета от применения демпфирующего механизма предусматривает увеличение НДПИ. Происходит некое перекрестное субсидирование. На наш взгляд, существующие доходы бюджета позволили бы обойтись без этого, но пришлось искать компромиссное решение», – сказал Сергей Зац, в заключение, очередной раз подчеркнув, что в компании очень высоко оценивают работу правительства и благодарны ему за привлечение своих представителей к обсуждению реформирования фискальной системы.

Выступающий после Советник Генерального директора, начальник Департамента по работе с органами государственной власти, ПАО «Газпром нефть» Павел Карчевский оказался менее лоялен. Он согласился с предшественником в необходимости скорейшего перехода на налогообложение финансового результата и, кроме того, обратил внимание слушателей на тот факт, что если сохранится налогообложение валовых показателей, то количество запасов, разработка которых экономически невыгодна, будет постоянно расти.

Если существует такое количество исключений из правил, это означает, что правила негодные

«У кого-то будут обводненные месторождения, нам интересны большие газовые месторождения и ачимовская толща. Каждая компания будет ходить со своим кусочком в правительство, предлагать что-то, нас будут как-то утрамбовывать, в чем-то отказывать, а в чем-то нет, добыча будет, может падать, а может расти, но процесс будет абсолютно хаотичным и бесконечным. Наша компания всегда выступала за налогообложение экономического результата. Мы с 2009 года это постоянно предлагали, но, к сожалению, процесс принятия решения занял 10 лет. Не совсем понимаю, почему так долго. Причем в эксперимент включено всего 15 млн тонн текущей добычи, поэтому никаких существенных выпадающих доходов бюджета, наверное, не будет», – заключил Павел Карчевский, после чего также перешел к теме нефтепереработки.

«Что касается переработки, нас, наверное, пугает то, к чему все движется. Нефтепереработка становится такой же зависимой от налогов, как и добыча. В определенных ценовых диапазонах вся маржа НПЗ становится зависимой от демпфера и отрицательного акциза. Все, что сейчас касается государственного регулирования топливных цен и субсидированием нефтепереработки, выглядит очень странно. Если компаниям предложили сохранить фиксированные розничные цены, то было бы справедливо, если бы государство взяло на себя сглаживание всех внешних колебаний цен. Однако с учетом эффекта НДС в демпфере сейчас у нас коэффициент 0,72. Основной вопрос, кто возьмет на себя компенсацию оставшихся 28%. В нормальной экономической ситуации это были бы потребитель, завод или АЗС. Но у нас цены-то фиксированные. В этом суть дискуссии. Допустим, если 28% возьмет на себя НПЗ, то, сколько он проживет? Наверное, завод, принадлежащий ВИНК, может еще долго просуществовать, а что делать независимым НПЗ? Мы все знаем историю с Антипинским НПЗ, который теперь, как все, должен поставлять на внутренний рынок свою продукцию. Если эти 28% возьмут на себя АЗС, то они получат убыток или им придется повышать цену, которая в нашей ситуации окажется существенно выше установленных, и вся тяжесть ляжет на потребителей. Эта

диспропорция будет обязательно проявляться. Поэтому демпфер необходимо менять. Правительством определенные решения уже приняты. В принципе, они носят довольно-таки компромиссный характер, но мы надеемся, что они сработают лучше», – сказал Павел Карчевский (см. «Факторный анализ изменения индикативной маржи переработки в России»).

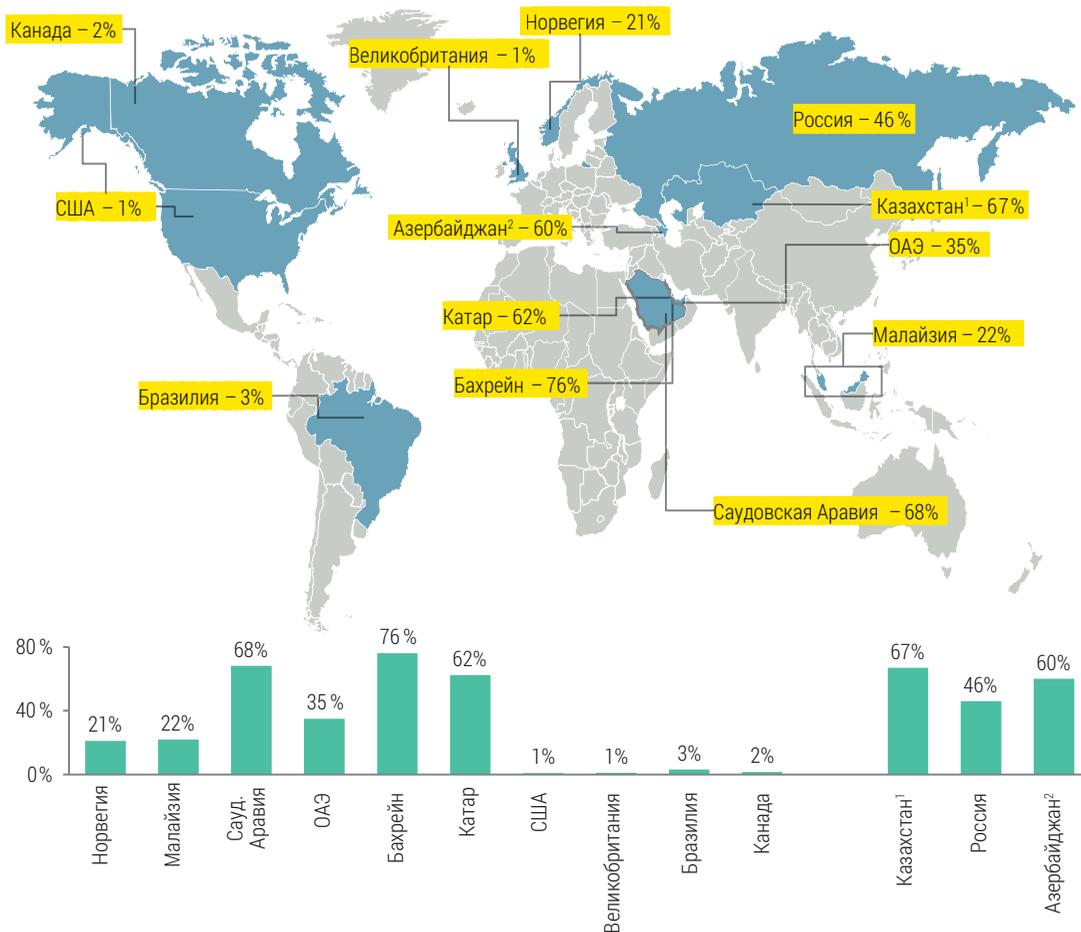
ИНВЕСТИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Неудивительно, что после таких выступлений представителей нефтяных компаний слово вновь получил Алексей Сазанов. Свой ответ он начал с демпфирующего механизма: «Я считаю, что те инструменты, которые сейчас выработаны правительством, позволяют защитить потребителя. Можно долго дискутировать, кому нужно компенсировать 28%, но есть цифры, с которыми не поспоришь. Например, по дизельному топливу. На заправках сейчас должна быть цена 45–45,5 руб. за литр, притом что государство платит демпфер НПЗ 15 млрд руб. ежемесячно только по дизельному топливу. Этой цены на АЗС нет. Поэтому прежде, чем говорить об эффективности или наоборот демпфера, давайте сначала приведем цены на заправках в соответствии с договором. У демпфирующего механизма есть определенные проблемы в узком диапазоне цен, но это никак не связано с текущей ситуацией, когда компании получают от государства почти 10 млрд руб. по бензину и, как уже было сказано, 15 млрд по дизельному топливу. Несмотря на это, оговоренных цен на заправках нет».

Если сохранится налогообложение валовых показателей, то количество запасов, разработка которых экономически невыгодна, будет постоянно расти

Также Алексей Сазанов подчеркнул, что практически всю социальную нагрузку взял на себя бюджет, а компании получают деньги и лишь «хорошо стараются выполнять свои обязательства». При этом г-н Сазанов выразил надежду, что деньги, которые сейчас доплачиваются нефтяным компаниям для удержания цен на топливо, «не будут потрачены впустую, и не получится ситуация, когда сначала бюджет заплатил, а потом и потребитель». «Демпфер тогда будет работать эффективно, когда потребитель увидит снижение цены. Только после этого можно будет серьезно говорить об увеличении какой-то поддержки нефтеперерабатывающих компаний. А если будет получаться, что мы увеличиваем демпфер, а конечный потребитель ничего ощущает, то это окажутся потраченные зря деньги – очередные субсидии нефтяным компаниям. Давайте подождем, посмотрим, как будет развиваться ситуация. Судя по последним данным, положительные сдвиги есть. Если так продолжится, то впоследствии можно будет

ДОЛЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ ДОХОДОВ В БЮДЖЕТЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

¹ Вкл. трансферы из Национального Фонда Казахстана;

² Государственный нефтяной фонд Азербайджана (SOFAZ)

Источник: EY

вернуться к этой дискуссии», – сказал Алексей Сазанов.

В отношении НДС он согласился с мнением, что «НДС – это оптимальный подход к налогообложению и в долгосрочной перспективе, по мере того, как будет ухудшаться качество запасов, мы рано или поздно будем вынуждены на него перейти. Просто в силу того, что тот задел, который был создан во времена СССР, будет окончательно исчерпан. Но делать это надо очень осторожно, взвешивая все последствия с учетом расходных бюджетных обязательств. Поэтому, когда говорят, давайте перейдем на НДС через 2–3 года, – это очень идеалистический подход. Гипотетически это может даже подтолкнуть добычу выше тех уровней, которые есть сейчас, и привлечь в отрасль инвестиции. Однако, как мы будем финансировать выпадающие доходы бюджета, которые в результате образуются? Это сотни миллиардов рублей. Какие расходные обязательства будут сокращены? По сути дела весь дополнительный прирост инвестиций, который произойдет,

будет в той или иной форме профинансирован за счет новых льгот. Очень показательна в этом смысле ситуация прошлого года. Чистая прибыль нефтяной отрасли в 2018 году выросла на 220%. Это больше, чем 300 млрд руб. Инвестиции выросли на 1,5% – на 14 млрд руб. Оставшиеся 286 млрд куда делись? Дополнительная прибыль сформировалась просто из-за курса рубля и котировок нефти, так вложите эти миллиарды в разработку краевых зон и низкорентабельных запасов. Почему из 300 млрд руб. только 14 млрд было инвестировано?»

В ответ Сергей Зац заметил, что «для инвестирования необходимо иметь определенное количество эффективных инвестпроектов. А для этого должен измениться налоговый режим, чтобы деньги были вложены и принесли дополнительный доход. Для инвестиций должны быть созданы условия». На вышеуказанное Алексей Сазанов возразил, что «цифры говорят об обратном. Откуда-то эти 280 млрд материализовались. Из скважин, которые давно

окупились. Эти деньги заработаны – эти деньги не реинвестированы. Нам же говорят, дайте нам льготы и тогда мы начнем инвестировать за счет ваших же льгот. Но эти средства, которые сегодня заработаны, означают, что мы в свое время недособрали их. В таком случае справедлив был бы обмен – увеличивать нагрузку на текущую добычу, с тем чтобы стимулировать ее в будущем».

НДД – это оптимальный подход к налогообложению и в долгосрочной перспективе, по мере того, как будет ухудшаться качество запасов

В свою очередь в дискуссию вступил Павел Карчевский, который сказал, что «речь идет о том, сколько есть сейчас эффективных инвестпроектов в отрасли. Количество заработанных денег, текущих активов, никак не повышает количество рентабельных инвестпроектов. Если Минфин недоволен, пусть приходит и за этими деньгами. На самом деле, уже пришли в нефтедобычу. Демпфер приняли, а 50% его оплачивается за счет повышения НДС. Если Минфин считает, что компании не должны зарабатывать больше какой-то суммы, пусть настроит налоговую систему таким образом. То, что Минфин хочет удерживать налоговую нагрузку на отрасль в процентном отношении в ВВП на текущем уровне, это понятно. Но это невозможно. Просто потому, что каждая следующая добытая тонна нефти становится дороже», – отметил Павел Карчевский (см. «Сравнение налоговой нагрузки в добыющем сегменте»).

ПОДВОДЯ ИТОГИ

К сожалению, из-за оживленной дискуссии, достаточного времени на то, чтобы выслушать мнения независимых экспертов, на стратегической сессии ННФ почти не осталось. Выступать им пришлось крайне кратко. Особо стоит обратить внимание на доклад директора Московского нефтегазового центра ЕУ Дениса Борисова, представившего также весьма интересную презентацию, материалы которой используются в этом обзоре.

По мнению Дениса Борисова: «С одной стороны, учитывая то, что нефтянка играет для бюджета России ключевую роль, полностью привязываться к признанным сейчас совершенными налоговым системам, не получится. Это здесь работать не будет. У России должен быть какой-то свой особый путь. С другой стороны, уровень налоговой нагрузки на нефтяную отрасль очень высок. Поэтому ключевая задача для нас – увязать интересы государства и нефтяной отрасли. При этом частое изменение налоговых условий, в адрес чего сегодня здесь также звучала критика, это вполне естественный процесс. Такое происходит не только в России, такое происходит во всем мире. Как только меняются внешние условия, возникает вопрос о донстройке налоговой системы. Более того, привязка российской налоговой системы к валовым показателям, которая сформировалась в начале 2000-х годов, отвечает общеотраслевым трендам своего времени. Потом ряд стран стал отказываться от нее, но сейчас мы видим обратную тенденцию. В некоторых странах, которые уже частично перешли на налогообложение прибыли, возвращают в налоговую систему долю роялти. В таком быстроменяющемся мире ничего постоянного не бывает» (см. «Доля нефтегазовых доходов в бюджете различных стран»).

Привязка российской налоговой системы к валовым показателям, которая сформировалась в начале 2000-х годов, отвечала общеотраслевым трендам своего времени

В качестве итога прошедшего круглого стола можно привести слова Павла Сорокина, который отметил, что «необходимо найти компромисс интересов бюджета и отрасли. Обе стороны имеют свою правду. При этом нефть волатильна, и от 30–40 долларов за баррель никто не застрахован. Если бы у нас не было стабфонда в 2008-м или в 2014 году, то и курс рубля был бы совсем не тот, что сейчас, и экономика была бы совсем другая. Поэтому баланс интересов должен быть сохранен».

Оценки, прогнозы
и рекомендации
топ-менеджеров
нефтегазовых компаний

www.ngv.ru